

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Отечественная история

УДК 94(470)

DOI 10.37386/2413-4481-2023-2-83-89

Светлана Ивановна Бондаренко

Алтайский государственный аграрный университет, г. Барнаул, Россия, bonsvet@bk.ru

КУЛЬТУРНОЕ ШЕФСТВО ГОРОДА НАД ДЕРЕВНЕЙ В ГОДЫ НЭПА (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В публикации рассматривается один из аспектов «смычки» города и деревни в раннесоветский период – культурное шефство города над деревней на материалах Западной Сибири. Показаны методы, формы и проблемы организации культурной работы шефских обществ. Определено, что основными адаптационными практиками крестьян к новым условиям стали: приспособление, конформизм, частичное и полное включение. В контексте культурного шефства проблемы социальной адаптации заключались в опосредованном взаимодействии рабочих и крестьян через местные партийные ячейки.

Ключевые слова: город; село; нэп; адаптация; шефство; культурная работа.

Svetlana I. Bondarenko

Altai State Agricultural University, Barnaul, Russia, bonsvet@bk.ru

CULTURAL PATRONAGE OF THE CITY OVER THE VILLAGE DURING THE NEP YEARS (REGIONAL ASPECT)

Abstract. The paper examines one of the aspects of “bonding” the city and the village in the early Soviet era – that is, the cultural patronage of the city over the village – as seen in Western Siberia. The methods, forms and problems of organizing the cultural work of chef societies are shown. It is determined that the main adaptation practices of peasants to the new conditions included adaptation, conformity, as well as partial and full inclusion. In the context of cultural patronage, the issues of social coadaptation consisted in workers and peasants indirectly interacting through local party cells.

Keywords: city; village; NEP; adaptation; patronage; cultural work.

В результате кризиса военного коммунизма и слабеющей надежды на мировую социалистическую революцию большевикам пришлось налаживать так называемую «смычку» между пролетариатом и крестьянством. «Пролетариат руководит крестьянством, но этот класс нельзя так изгнать, как изгнали помещиков и капиталистов. Надо долго и большим трудом и большими лишениями его переделывать», – говорил Ленин в мае 1921 г. [1, с. 319]. Как отмечал А.К. Соколов: «Город с его пролетариатом рассматривался большевиками как оплот социализма, а деревня – как средоточие мелкобуржуазного малообразованного и отсталого населения, доставшегося в наследие от старого режима» [2, с. 117]. Двойственность ситуации заключалась в том, что крестьянство было одновременно и объектом борьбы, и союзником. Достичь экономической смычки без идеологического и культурного вовлечения крестьянства в новый советский ландшафт было невозможно. Большевикам в рамках «смычки» пришлось налаживать и «культурное шефство города над деревней».

Изучение такого феномена как культурное шефство города над деревней в раннесоветский период представляется актуальным для понимания процесса формирования советского общества. В советский период вопросам шефства города над деревней в сибирском регионе были посвящены работы Н.Е. Таскаева, В.М. Суверова, Н.Я. Гущина, Ю.В. Журова, Л.И. Боженко [3–5]. Работы изобилуют большим фактологическим материалом, что представляет большую историческую ценность, при этом, на наш взгляд, недостаточно внимания уделялось отношению крестьян к различным социокультурным новациям в повседневной жизни, способам адаптации к ним.

Следует отметить, что в исследованиях последних лет активно формируются новые методологические подходы, свидетельствующие о наступлении эпохи междисциплинарности, новой ситуации в культуре познания, смещении исследовательского интереса с описания событий к описанию состояний. Рассматриваемая тематика не стала исключением. В этой связи обращает на себя внимание работа В.И. Шишкина.

Согласимся с исследователем, считающим, что адаптация является универсальным средством взаимоотношений между любой системой (субъектом) и его средой, направленным на устранение рассогласованности и установление равновесия между ними [6]. Основываясь на серьезном историографическом анализе, автор указывает на недостаточное количество исторических работ, освещающих проблемы социальной адаптации в целом и политической в частности.

Целью настоящей работы является рассмотрение малоизученного аспекта нэповского периода – культурного шефства города над деревней в региональном разрезе, являющегося одним из элементов государственной политики «смычки города и деревни». Период нэпа был сопряжен с усилением культурно-просветительской работы в деревне, что стало основой шефской работы в эти годы. Анализ методов и форм советской культурной шефской работы и отношение к этому процессу крестьян позволит вычленить проблемы социальной коммуникации власти и крестьянства в повседневной жизни и обозначить способы адаптации к новым социальным реалиям.

Методологической основой статьи выступила теория модернизации, в рамках которой формирование и воспитание «нового, советского» человека рассматривается как составная часть процесса преобразования большевиками традиционного общества. Для реализации задач исследования использовался проблемно-хронологический метод. В соответствии с ним из всего спектра культурно-просветительской работы советской власти было выделено направление «культурное шефство города над деревней» и рассмотрено в хронологической последовательности. Применяемый принцип междисциплинарности позволил проанализировать эмоциональное отношение крестьян, власти к шефской работе и способы их адаптации к новым условиям. Также в работе использовался историко-сравнительный метод, помогающий выявить общероссийские и региональные особенности организации шефской работы.

Источниковой базой статьи послужили архивные материалы Российского государственного архива экономики (далее – РГАЭ), в частности коллекция писем в «Крестьянскую газету», материалы обследований, отложенные в Центре документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИТО), Государственном архиве Новосибирской области (далее – ГАНО), Государственном архиве Алтайского края (далее – ГААК), материалы региональной прессы.

Тяготы революции, гражданской войны, экономической разрухи в полной мере легли на плечи крестьян. Трансформация политической системы привела к массовому недовольству крестьян в стране в целом, а в Западной Сибири спровоцировала такие масштабные крестьянские выступления, как восстания Плотникова, Шишкина, Рогова, Новоселова. Интересы власти и крестьян расходились все больше и больше. Необходимость поиска механизмов взаимодействия с крестьянством стала для власти вопросом выживания. Политически успокоить крестьян посредством смычки города с деревней предполагалось в том числе по организационной и культурной линиям.

Вопросы организации культурно-просветительской работы возлагались на созданный еще 28 октября 1920 г. в структуре Наркомпроса Главный политико-просветительный комитет. Понимая сложность культурного воздействия на массы, власть изначально закладывала некоторые адаптационные возможности для себя. Так, в резолюции X съезда РКП(б) «О Главполитпросвете и агитационно-пропагандистской задаче партии» значилась задача «приобретения гибкости, чуткости к запросам масс, подвижности». Эти качества предлагалось соединять с «систематичностью, точностью и быстрой работой по известному плану», что, конечно, изначально сужало адаптационные возможности исполнителей на местах [7, с. 13]

В советской историографии отмечалось, что именно в Сибири, а точнее в Иркутске и Ново-николаевске, возникла мысль о шефстве рабочих над деревней, а далее после публикации в «Известиях ВЦИК» 26 октября 1922 г. статьи «Интересный опыт» идея была распространена в стране [8, с. 212]. Часть исследователей считает началом шефской работы 1917 г. Но большинство все же согласно с тем, что системной эта работа стала после XIII съезда партии в 1924 г., когда власть определила для себя основные организационные формы шефской деятельности. Основной формой работы с крестьянами становились шефские общества. При этом указывалось строить культпросветработу, учитывая хозяйственные нужды села. Предлагалось учитывать интересы подшефных.

Власти обозначали конкретные методы работы с крестьянской средой. В качестве приоритетного указывался метод прямого общения рабочих с крестьянами. Общение должно было осуществляться в результате поездок рабочих в деревню, а крестьян в город на фабрики и заводы для знакомства с условиями работы друг друга. Но проблема заключалась в том, что «общение рабочих с крестьянами» должно было проходить под пристальным внима-

нием партийных и советских организаций, с их непосредственным участием [9, с. 4]. Таким образом, метод прямого взаимодействия исключался. Власть предлагала работать шефским обществам с крестьянством методом опосредованного действия, т. е. вести шефскую работу от имени местных партийных и советских организаций, повышать их авторитет и помнить, что «они тут временно» [9, с. 61]. Таким образом, уже на первом этапе шефство рабочих над крестьянством подменялось шефством, по сути, местных партячек над деревней, при помощи шефов рабочих. Как выяснилось, местные партячки ревностно относились к шефам, видя в них угрозу падения своего авторитета среди крестьян. Они явно не желали уступать приезжим свое влияние в деревне и требовали, по сути, «установить правильные взаимоотношения» с местными руководящими работниками. В 1925 г. в постановлении оргбюро ЦК РКП(б) на это прямо указывалось, что шефы должны держать тесную связь с местными партийными и советскими организациями. В дальнейшем в отчетных документах райкомов ВКП(б) практически всегда значилась отметка: «Вся работа шефкомиссии ведется в согласовании с ячейками РКП(б)» [10, л. 51]. Таким образом, местные ячейки ограничивали инициативу шефов, адаптируя их работу под свои интересы.

Самым распространенным методом «культурного общения» была экскурсия в город, особенно если тот располагался недалеко. Деньги на мероприятие собирались крестьянским обществом, но иногда и город выделял средства. Конечно, сама по себе экскурсия не была самоцелью власти. Здесь ставилась цель – воспитать «уважение к тяжелому труду рабочего», воспитать уважение к пролетариату, политической опоре власти.

Любопытными выглядят отзывы участников таких экскурсий: *«Крепко подружился с рабочими ребята. Перед отъездом для нас устроили вечер «смычки», на котором были наши товарищи с мылзавода и из депо. Окружком дал крестьянам общежитие с койками и постельным бельем (на каждого две наволочки, две простыни, одеяло, матрац, полотенце и 15 рублей денег и специального проводника»* [11]. Представляется, что крестьянин преувеличивает дружбу деревенской и городской молодежи, случившуюся за один день, но то, что он остался удовлетворен, тоже не вызывает сомнения. Многие моменты были «на показ», но эти поездки являлись для крестьян отдушинами от повседневного быта, расширяли кругозор деревенской молодежи и в целом могли формировать некоторый положительный эмоциональный фон. Если крестьян встречали хорошо, то поездка

запоминалась надолго. Крестьянам больше запомнились не экскурсии на фабрики, заводы, музеи, а обхождение с ними, поскольку для них это означало принятие, включение в новый социум, о чем свидетельствуют источники и письма в местную прессу.

Важной формой реализации культурной смычки города и деревни являлись Дома крестьянина. Они открывались исполкомами Советов для культурного и бытового обслуживания крестьян, приезжающих в город. Руководители Домов крестьянина также организовывали для приехавших крестьян экскурсии на предприятия с целью познакомить их с работой шефов. Дома крестьянина обычно оказывали организационно-методическую помощь избам-читальням, которые признавались центром всей культурной работы на селе, проводили консультации по различным вопросам, помогали уездным Домам крестьянина. Самым распространенным методом работы шефов с крестьянами были беседы. Судя по источникам, крестьян интересовали кооперативные вопросы, землеустройство. Адаптируясь к запросам крестьян, именно по данным темам шефами больше всего бесед и проводилось [12, л. 293].

Вообще культурная работа в деревне мыслилась Лениным путем слияния трех составляющих: общеобразовательной, политической и сельскохозяйственной [13, с. 23]. В практическом выражении работа мыслилась в приписке городских ячеек к деревенским, чтобы они «систематически заботились о всякой оказии, о всяком случае, чтобы удовлетворить ту или иную культурную потребность своей ячейки» [14, с. 367].

Как показывают архивные источники, в повседневной жизни шефская работа не была такой слаженной и велась путем проб и ошибок. На примере отчета секретаря ленинского райкома РКП Томскому губкому РКП (январь – июнь 1924 г.) можно проанализировать организацию губернской шефской работы. Как оказалось, в повседневной жизни механический способ прикрепления городских ячеек к деревенским оказался неэффективен.

Анализ проблем выявил, что шефы крайне нерегулярно работали с подшефными, в связи с чем организаторам пришлось прикреплять ячейку к деревне в целом. К каждой ячейке прикрепляли на первом этапе от одной до четырех деревень. Но вскоре выяснилось, что и с этой задачей шефы не справлялись. Нерегулярность шефской работы отчасти объяснялась особенностями сибирского региона с его недостаточным развитием транспорта, связи, отдаленностью населенных пунктов друг от друга. В связи с этим организаторам при-

ходилось адаптироваться к местным условиям. Так, одной из форм культурной смычки в Сибири становятся агитационно-инструкторские поезда и пароходы, школы-передвижки (разъездные группы, состоявшие из нескольких работников) [5, с. 204]. Как явствует из документа, шефская работа заключалась в основном в чтении докладов подшефным и отчете о прочитанном на собрании партячейки. Помимо докладов шефская работа также заключалась в проведении различных кампаний: «праздник Урожая, октябрьские праздники, доклады о смерти Ленина, о воздухофлоте, о хлебном займе, об астрономии» [15, л. 4].

Отметим, что при проведении праздничных мероприятий местные ячейки рекомендовали рабочим-шефам «не привозить праздник в деревню», а выделить представителя в районную комиссию по проведению праздников и через него консультировать подшефных. А самой подготовкой праздника должны были заниматься сельские работники, активисты. Предлагался метод включения непосредственно населения в проведение мероприятий. Таким образом, первоначальная идея непосредственного общения крестьян с рабочими в повседневной жизни усилиями местных ячеек трансформировалась в опосредованное общение [16, с. 61].

Шефство определялось как культурное еще и ввиду того, что шефы, по меткому выражению селькора С.А. Назарова из Алтайской губернии, «беднее церковной мыши» [17, л. 2]. Вместе с тем следует отметить, что в первые годы проведения шефской работы шефы старались помочь материально. Насколько это было существенно? Из анализа шефской работы в Сибири за 1926 г. властями следует, что «шефы потратили 28 000 рублей: до 23 % – на подарки; до 58 % – на содержание платных работников и на оказание поддержки школам, погорельцам; до 13 % – на разъезды; 6–7 % шефы потратили на указанные выше организационные мероприятия». Подводя итоги своей работы, шефы сами признавали ее неэффективной [18, с. 32].

Большой проблемой для шефских организаций была крайне низкая инициатива самих крестьян. Так, секретарь Ленинского райкома партии в своем отчете о шефской работе отмечал: «Для того, чтобы выписать самим газеты, то это удалось только в трех деревнях (из пятнадцати). Вообще правда делают постановления, но когда вопрос переходит вплотную, то есть к сборам, то каждый находит причины отказать, ссылаясь на налог, бедность, что, конечно, говорит о том, что крестьянство не вполне поняло значение

шефа. Кроме того, совершенно отсутствует интерес к общим задачам советской власти, тогда, когда его не захватил тот или иной вопрос в повседневной жизни крестьянского быта» [19, л. 4].

Секретарь верно отметил, если вопрос непосредственно не затрагивал интересы крестьян, привлечь их к какому-либо делу оказывалось очень трудно. Высокие налоговые ставки часто разоряли крестьян, и дополнительные платы, взимаемые приезжими, которым крестьяне не доверяли, оказывались не по карману и заставляли их придерживать деньги до последнего. Сказывалась и обычная рациональность в распоряжении своими весьма скудными средствами. Согласимся с исследователем Б.Н. Мироновым, который объяснял недостаток инициативы народа в процессах модернизаций «дефицитом капитала, образования и культуры» [20, с. 96].

По материалам сибирских обследований итоги шефской работы в 1926 г. выглядели следующим образом: «Среди подшефных деревень есть немало таких, в которых шеф был за год один раз (Новосибирск, Омск и др.). Результат плохой, расход средств, нередко обижались крестьяне и не более. Например, один из шефов за целый год не мог ответить крестьянам на три вопроса: почему рабочие не платят налога, а крестьяне платят; почему железнодорожникам бесплатный проезд, которым они пользуются для спекуляции; как укрепить сельский кков (крестьянский комитет общественной взаимопомощи). По этой причине шеф потерял авторитет» [19, л. 33].

Отдельной проблемой, как указывали организаторы шефской работы, было неэффективное расходование средств: содержание библиотек, которые крестьяне не посещали, раздача подарков и т. д. В целом, Сибирское шефсовещание в 1926 г. признало политпросветительную работу шефов в деревне неудовлетворительной по качеству, неэффективной, проводимой в ущерб организационно-хозяйственной работе.

Поскольку сами организаторы слабо представляли, как проводить смычку, постольку в повседневной жизни она вылилась, по меткому выражению демобилизованного красноармейца И.В. Тузикова из Томской губернии, в «постановке спектаклей». «Теперь наш город дает деревне только спектакли, а настоящего не дает» [21, л. 89]. Под «настоящим делом» крестьянин понимал просвещение деревни. Смысловая квинтэссенция письма заключалась в том, что «нужны руководители из крестьян, так как к приезжим деревня относится с недоверием, больше привлечь красноармейцев к культурной работе, бесе-

довать с ними, осторожно относиться к молодежи. Город должен действительно встать лицом к деревне, в то же время не повернуться спиной к рабочему» [21, л. 89]. В своем письме крестьянин, по всей видимости, не отождествлял город с рабочими. Город в данном случае выступал как носитель власти. Возможно, поддаваясь господствующей идеологии, Тузиков симпатизирует и переживает за рабочих, что не было характерно для крестьян 1920-х гг., что в данном случае можно трактовать как конформизм, попытку приспособиться к новой реальности. Документы показывают весьма противоречивое отношение крестьян и к рабочим, и к «смычке». Заметим, крестьянский тезис «нужно побеседовать» как призыв к взаимодействию звучал довольно часто в письмах властям.

Влияние газетных штампов и клише проникало в сознание крестьян и прослеживалось в содержании некоторых писем. В такого рода письмах демонстрировался упрощенный взгляд на новацию, стремление быть причастным к новой жизни человека, который только обучился грамоте и верил печатному слову как откровению.

В письме в «Крестьянскую газету» крестьянина И.Г. Бубнова из Новониколаевской губернии (1925 г.) отражен официальный взгляд на смычку. Такие письма обязательно содержали комплиментарный фрагмент, благодарность власти, приводились аргументы. Данные письма можно расценивать как попытку адаптироваться к новой социальной среде и способ приспособиться к новой власти.

«От имени культурников Тальменского р-на Черепановского у. Новониколаевской губ. шлю благодарности товарищу Сталину за то, что призвал нас спать с партией. После же призыва товарища Сталина дело пошло сразу лучше. Нога в ногу рука за руку. Изба-читальня работает, в ней кружки сельхозный, театральный и прочие. Дело теперь за предстоящими перевыборами совета, если они пройдут, так как пишется, то победа и смычка готова» [22, л. 21, 21 об.].

Во второй половине 1920-х гг. назревало новое противоречие между ростом политической активности крестьян и сохранившимися во многих местах «военно-коммунистическими» методами руководства деревней. Особенно это касалось выборов в сельские советы, которые перестали быть политической борьбой, а превратились в навязывание неугодных крестьянам управленцев [23, с. 44]. В процедуре выборов в Советы это выразилось в новой инструкции по выборам 1926 г., ограничившей избирательные права зажиточных крестьян [24, с. 82].

Почему крестьяне не доверяли приезжим, показывает письмо в «Крестьянскую газету» (1925 г.) из Алтайской губернии, подписанное псевдонимом «Беспартийный». Крестьянин жалуется, что уполномоченный, приехавший проводить перевыборы в сельсовет, после избрания комиссии попросил беспартийных освободить помещение. *«Все, газеты и партийцы сами говорят: собрания и заседания только открытые, секретов нет, при открытых собраниях только будет убежден народ, а тут нето. А где же смычка?»* [25, л. 4]. Таким образом, крестьянин концентрирует внимание властей на расхождение с официальной пропагандой. Отсюда и причина недоверия к власти.

Материалы крестьянских писем подтверждают вывод исследователя И.С. Кузнецова о том, что такой социальный архетип, как «ревность к городу», адресовался, прежде всего, к служащим, представителям умственного труда, работникам управленческого аппарата. В народной лексике существовали специальные уничижительные термины для обозначения городских жителей, в особенности служащих-управленцев: «кулажник», «чужеед», «неработь» и т. д. Все эти настроения подстигивались общей неприязнью к «господам», «белоручкам» [26, с. 38]. Крестьяне остро реагировали на социальную несправедливость. Они отмечали «хлеб дешевый, товары дорогие», сетовали на тяжесть налогов и т. д.

Причины низкой социально-политической активности были не только в бедности, но и в особенности менталитета. Если крестьяне видели в начальстве пьяниц и разгильдяев, то надеяться на активность не приходилось, сказывалась определенная черта крестьянского менталитета – больше «жужжать по за углами», чем принимать решения самим. Крестьяне, побывавшие в Красной Армии, расширившие кругозор, получившие новые впечатления, уже по-иному смотрели на жизнь, понимали, что нужно больше самостоятельности в решениях. Это тезис подтверждается и нашим исследованием в отношении вопросов шефства.

Отпускник Красной Армии И.М. Кузнецов из Омской губернии в письме в «Крестьянскую газету» (1925 г.) отмечал низкую активность крестьян: *«Собрались на собрание вместо 300 членов общества 50 человек и то не вовремя, вместо часа дня в три часа. Не успели выслушать доклада о кооперации, половина разбежалась. Так работать, не годится. Если только будем жужжать по за углами и надеяться на кого-то что он за нас сделает»* [27, л. 42, 42 об.].

В целом же материалы обследования шефской работы в 1926 году в Западной Сибири зафиксиро-

ровали лишь 4 случая положительных результатов шефской работы (по мнению организаторов) из работы 31 шефобщества. Это те случаи, когда работа была направлена на помощь в сельском хозяйстве [28, л. 103].

Материалы обследования (1928 г.) показали весьма разнообразный спектр причин неудавшейся смычки. Часть крестьян склонна была в служащих видеть причину своих бед. *«Рабочий работает на крестьянина, а крестьянин на рабочего, а вот служащие всё проглотили. Рабочий получает сотую часть, чем служащий»*. *«Служащие получают 40 рублей в месяц и налогов не платят»*. Другая часть крестьян обвиняла в неудавшейся смычке ячейки: *«Без рабочих нельзя, а вот не сливаются рабочие и крестьяне, все ячейки мешают. В ячейке нет ни одного крестьянина, сидят все пролетариаты ну по-пролетарски и судят, а нас на собрания не приглашают»*. Часть крестьян была недовольна тем, что занижается их роль: *«Рабочий бы сдох без крестьянина. Жизнь нашей родине может дать только крестьян, а его задавили налогами, партийные завоевали всю страну, а не они завоевали революцию, а крестьяне»* [29, л. 66 об]. Некоторые крестьяне обвиняли рабочих. Во многом это происходило потому, что крестьяне не могли найти ответа на вопрос, кто же все-таки виноват в том, что товары дорогие – власть или рабочие?

Неоднородное по своей структуре крестьянство судило о смычке на уровне личных интересов и разнообразных форм персональных адаптаций к новым условиям. Проведенный анализ нарративных источников позволяет вычленить основные претензии крестьян к шефам. Это недостаточная материальная помощь со стороны шефов, отсутствие внятных ответов на вопросы крестьян. Среди наиболее часто упоминаемых претензий со стороны крестьян можно выделить: необоснованная разница цен на промышленные и сельскохозяйственные продукты, отсутствие товаров в кооперативных лавках,

привилегированное, по их мнению, положением городских рабочих.

Таким образом, на основе анализа официальных партийных документов, материалов обследований, источников личного происхождения, впервые вводимых в научный оборот, удалось выявить заинтересованность власти в обратной связи с крестьянством, что проявлялось в попытках власти учитывать нужды и интересы крестьян. Проведенное исследование показало, что противоречия нэпа напрямую отражались на формах и методах шефской работы, а также и на ее восприятии как адаптером (в лице власти), так и адаптантами (крестьянской средой). Власть использовала шефские ячейки как каналы для распространения нового коммунистического сознания в деревне. В контексте культурного шефства проблемы социальной коадаптации заключались в опосредованном взаимодействии рабочих и крестьян через местные партийные ячейки. Попытки властей адаптировать шефскую работу к местным условиям (организация передвижных форм) привела лишь к усилению политической агитации, культурная составляющая (просвещение) по-прежнему страдала и требовала более системных форм работы и более тщательного финансирования. Анализ источников личного происхождения позволил определить, что основными адаптационными практиками крестьян к новым условиям стали приспособление, конформизм, частичное включение.

На XV съезде партии в 1927 г. шефская работа была пересмотрена: шефские организации, занимавшиеся преимущественно культурной работой в деревне, были переориентированы на решение конкретных задач социалистического переустройства деревни, а точнее, для решения задач коллективизации. Одним из результатов этого стало обострение отношений между сельскими жителями и горожанами, несмотря на заявления правительства об успехах нэпа и сохранении союза между городом и деревней.

Список источников

1. Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о продовольственном налоге // Полн. собр. соч. М.: Изд-во политической литературы, 1970. Т. 43. С. 317–332.
2. Соколов А. К. Голос народа. Письма и отклики рядовых граждан о событиях 1918–1932 гг. М.: РОСПЭН, 1998. 328 с.
3. Таскаев Н. Е. Шефство рабочих Томской губернии над деревней (1922–1925 гг.) // Советское крестьянство – активный участник борьбы за социализм и коммунизм. Барнаул, 1969. 120 с.
4. Суверов В. М. Деятельность партийных организаций Сибири по укреплению союза рабочего класса с крестьянством (1917–1925 гг.). Томск, 1985. 255 с.
5. Гушин Н. Я., Журов Ю. В., Боженко Л. И. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск: Наука, 1978. 147 с.

6. Шишкин В. И. Политическая адаптация населения Сибири в XX веке: теоретико-методологические подходы и историографические результаты изучения // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века: сборник научных статей / науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2015. С. 3–44.
7. КПСС о культуре, просвещении и науке: сборник документов / сост. В. С. Викторов, А. С. Конькова, Д. А. Парфенов. М.: Политиздат, 1963. 552 с.
8. История Сибири: в 5 т. Л.: Наука, 1968. Т. 4. 501 с.
9. Вопросы шефства. Орган Агитпропов ЦК ВКП (б) // Решения партии о культшефстве. № 2. М., 1925. 60 с.
10. Отчеты райкомов ВКП(б) по вопросам шефской работы // ГААК. Ф. 2. Оп. 6. Ед. хр. 206.
11. Молодая деревня. 1926. 2 октября.
12. Отчеты, циркуляры по культурно-просветительной работе в деревне // ГААК. Ф. 22. Оп. 4. Ед. хр. 251.
13. Луначарский А. В. В. И. Ленин и народное образование: сб. статей и выступлений. М., 1960. 167 с.
14. Ленин В. И. Странички из дневника // Полн. собр. соч. М., 1982. Т. 45. 718 с.
15. Материалы Томского губернского комитета РКП(б) // ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 560.
16. Татарчук Л. И. Некоторые вопросы организации культурно-шефской работы // Актуальные проблемы развития культуры Алтая. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1978. 232 с.
17. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 3. Ед. хр. 95.
18. Бойков И. Культшефство в Сибирском крае // Культшефство в Сибири. Новосибирск, 1927. С. 3–33.
19. Отчеты райкомов ВКП(б) по вопросам шефской работы // ГААК. Ф. 2. Оп. 6. Ед. хр. 206.
20. Миронов Б. Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М., 2013. 340 с.
21. Коллекция писем в «Крестьянскую газету» // РГАЭ. Ф. 396. Оп. 1. Ед. хр. 664.
22. Коллекция писем в «Крестьянскую газету» // РГАЭ. Ф. 396. Оп. 1. Ед. хр. 406.
23. Молчанова А. П. Из истории борьбы за упрочение союза рабочего класса и крестьянства // Партийно-массовая работа в деревне в 1924–1925 гг. М., 1956. 232 с.
24. Бондаренко С. И. Сельские советы и крестьянство в годы нэпа: проблемы взаимоотношений // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2020. № 3 (44). С. 79–82.
25. Коллекция писем в «Крестьянскую газету» // РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Ед. хр. 93.
26. Кузнецов И. С. Социальная психология. сибирского крестьянства в 1920-е гг. Новосибирск, 1992. 80 с.
27. Коллекция писем в «Крестьянскую газету» // РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Ед. хр. 429.
28. Материалы Сибирского революционного комитета (1919–1925) // ГАНУ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1185.
29. Материалы Сибирского краевого комитета ВКП (б) // ГАНУ-П. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 711.

Статья поступила в редакцию 12.02.2023; одобрена после рецензирования 12.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted 12.02.2023; approved after reviewing 12.03.2023; accepted for publication 27.04.2023.